ВЕРХОВНЫЙ СУД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 201-О11-5СП

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва 17 марта 2011 г.

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в составе:
председательствующего Шалякина А.С.,
судей Соловьёва А.И. и Королёва Л.А.,

при секретаре Лупянниковой Л.В.
с участием старшего военного прокурора управления Главной военной прокуратуры Бойко С.И., оправданного Максимова Д.С. и его защитников – адвокатов Ткешелашвили Р.К., Спицына И.В. и Скакуновой С.В. рассмотрела в открытом судебном заседании уголовное дело по кассационной жалобе потерпевшей Т на приговор Московского окружного военного суда от 30 июля 2010 г., согласно которому военнослужащий войсковой части лейтенант

Максимов Д С
ранее несудимый,

на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и за ним признано право на реабилитацию.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Шалякина А.С., объяснения защитников оправданного Максимова Д.С. - адвокатов Скакуновой С.В., Ткешелашвили Р.К. и Спицына И.В., а также оправданного Максимова Д.С., возражавших против кассационной жалобы потерпевшей Т и выступление старшего военного прокурора отдела управления Главной военной прокуратуры Бойко С.И., поддержавшего доводы кассационной жалобы и полагавшего приговор отменить, а дело направить на новое судебное рассмотрение, Военная коллегия

установила:

Органами предварительного следствия Максимов обвинялся в том, что он 1 февраля 2008 г. около 21 часа 20 минут, рядом с автозаправочной станцией [redacted] расположенной по адресу: [redacted] на проторенной в снегу тропинке от остановки общественного транспорта [redacted], расположенной на [redacted], к [redacted] находясь в состоянии алкогольного опьянения, будучи недовольным шумным поведением встреченных им незнакомых четверых молодых людей и ошибочно полагая, что ими в его адрес высказываются оскорбления, используя этот незначительный повод, демонстрируя пренебрежительное отношение к окружающим гражданам и общественному порядку в целом, имея умысел на причинение смерти двум или более лицам из хулиганских побуждений, последовал за ними, а затем, достав имевшийся у него складной нож хозяйственно-бытового назначения с длиной клинка 110 мм и максимальной шириной клинка 23 мм, приведя его в развернутое положение и удерживая в руке для использования в качестве оружия и нанесения клинком ударов в людей, догнал и окликнул их, после чего приблизился к шедшему последним З[redacted] и, действуя безотносительно его личности, используя фактор внезапности, осознавая опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения смерти другим лицам и желая наступления этих последствий, произвел движение находившемся у него в руке ножом наотмашь, пытаясь нанести им, удар в голову и шею З[redacted] а по независящим от него обстоятельствам промахнувшись, продолжая реализовывать задуманное, вновь попытался нанести З[redacted] удар ножом наотмашь в область головы и шеи, однако в результате его активной защиты от нападения довести до конца свой замысел на лишение его жизни не сумел. В результате указанных действий Максимова З[redacted] было причинено не повлекшее вреда здоровью телесное повреждение в виде резаной раны в области кончика носа.

Вердиктом присяжных заседателей от 28 июля 2010 г. признано недоказанным то, что описанные выше деяния, инкриминируемые Максимову, были совершены, поэтому он на основании п.п. 1 и 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ оправдан судом по предъявленному ему обвинению (в связи с не установлением события преступления на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей).

Кроме того, вердиктом коллегии присяжных заседателей признано доказанным, что 1 февраля 2008 г. около 21 часа 20 минут, в указанном выше месте ножом с длиной клинка 110 мм и максимальной шириной клинка 23 мм потерпевшему Т[redacted] был нанесён один сильный удар в левую боковую поверхность живота с полным погружением клинка в тело Т[redacted] и произведением упора на нож с натяжением на лезвие, в результате чего ему было причинено повлекшее тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни телесное повреждение в виде проникающего слепого колото-резаного ранения живота с повреждением стенки брюшного отдела аорты с расположением раны на коже в области левого подреберья между средней ключичной и передней подмышечной линиями в 114 см от уровня подошв, вы-

звавшее обильную внутреннюю кровопотерю, от которого Т скончался на месте преступления.

Вместе с тем этим вердиктом признано не доказанным совершение Максимовым описанного выше деяния, поэтому на основании п.п. 2 и 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ он оправдан судом по предъявленному ему обвинению (за непричастностью к совершению преступления на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей).

В кассационной жалобе и дополнениях к ней потерпевшей Т ставится вопрос об отмене приговора и направлении дела на новое судебное разбирательство со стадии предварительного слушания ввиду нарушения уголовно-процессуального закона.

В обоснование просьбы потерпевшая указывает на то, что стороной защиты в присутствии присяжных заседателей ставились вопросы и делались заявления по обстоятельствам, не относящимся к их полномочиям, определённым ст. 334 УПК РФ.

Так, свидетель М – мать оправданного, несмотря на неоднократные замечания председательствующего, в судебном заседании заявила, что её сын был сильно избит и находился в милиции без оказания ему медицинской помощи, пытаясь при этом показать присяжным заседателям его фотографии, сделанные якобы в это время. По её утверждению, она вынуждена была искать свидетелей самостоятельно, поскольку следствие этим не занималось.

Свидетель М – брат оправданного, также охарактеризовал перед присяжными заседателями состояние оправданного, находившегося в милиции, «лицо было похоже на окровавленный кусок мяса, смотрел безумными глазами».

В ходе судебного следствия адвокаты неоднократно задавали Максимову вопросы о состоянии его здоровья, продолжительности и местах проведения лечения.

При допросе его жены – М выяснялись вопросы взаимоотношений в семье, привычек оправданного, давалась характеристика его личности.

Законный представитель свидетеля защиты несовершеннолетнего Г – его мать К, объясняя суду, противоречивость показаний сына, заявила, что показания на предварительном следствии он давал, находясь в наручниках. Услышав это, присяжный заседатель воскликнул: «Ужас, в наручниках», чем отразил своё мнение по рассматриваемому делу ещё до обсуждения вопросов при вынесении вердикта. В связи с этим, государственным обвинителем было заявлено согласованное ходатайство о замене данного присяжного заседателя запасным, однако оно было отклонено. По мнению потерпевшей, указанный присяжный заседатель оказал воздействие на формирование у коллегии присяжных заседателей тенденциозного мнения по делу, что могло существенно повлиять на принятие справедливого и законного решения.

В судебном заседании государственный обвинитель заявил ходатайство о недопустимости допросов свидетелей защиты несовершеннолетних Г и Б поскольку в деле имеются сведения об их психических расстройствах, склонностях к сочинительству и лжи. Данное ходатайство оставлено без удовлетворения.

Кроме того, 26 июля 2010 г. председательствующим было удовлетворено ходатайство стороны защиты о приобщении к делу и оглашении перед присяжными заседателями результатов психофизиологических исследований Максимова, проведённых в октябре 2009 г. Из этих результатов следует, что Максимов не обладает информацией о том, кто нанёс смертельный удар Т[redacted]а к нанесению телесных повреждений З[redacted] он отношения не имеет. Между тем, по вторичному, уже письменному, ходатайству стороны обвинения указанные доказательства 27 июля 2010 г. председательствующим признаны недопустимыми. Потерпевшая полагает, что оглашённые перед присяжными заседателями сведения повлияли на формирование их мнения по делу.

Вместе с тем, защитой допускались высказывания, ставящие под сомнение компетентность органов предварительного следствия, а также несущие негативную оценку показаний потерпевшего З[redacted] и свидетеля С[redacted]

В заключение потерпевшая акцентирует внимание на обращение адвоката Спицына к присяжным заседателям, сделанное в ходе прений сторон, когда он, воспользовавшись правом реплики, сказал: «Не берите на себя ответственность, признайте человека невиновным». При этом, отвечая на замечания председательствующего, адвокат заявил «делайте, что хотите, я всё, что нужно сказал».

Всё это, по мнению Т[redacted] создало у присяжных заседателей отрицательное предубеждение к предъявленному обвинению.

В возражениях на кассационную жалобу адвокаты Спицын, Ткешелашвили и Скакунова, опровергая доводы потерпевшей, просят приговор оставить без изменения, а кассационную жалобу без удовлетворения.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы и дополнений к ней, возражения адвокатов Спицына, Ткешелашвили и Скакуновой, выступления сторон и мнение прокурора, Военная коллегия приходит к выводу, что при рассмотрении уголовного дела в отношении Максимова судом допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, повлиявшее на постановление законного и обоснованного приговора.

Особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей определяются ст. 335 УПК РФ. В присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ.

В силу ч. 8 ст. 335 УПК РФ данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. С участием присяжных заседателей не исследуются характеристики, справки о состоянии здоровья, о семейном положении и т.п.

В присутствии присяжных заседателей не подлежат исследованию процессуальные решения, а также другие вопросы права, не входящие в компетенцию присяжных заседателей и способные вызвать их предубеждение в отношении кого-либо из участников процесса.

Законом также запрещается всякое воздействие на присяжных заседателей, способное вызвать у них предубеждение, отрицательно повлиять на их беспристрастность и формирование мнения по делу.

Названные требования закона при рассмотрении дела соблюдены не были.

Как усматривается из протокола судебного заседания, сторона защиты, а также представленные ею свидетели в присутствии присяжных заседателей ставили вопросы и делали заявления по обстоятельствам, исследование которых законом не отнесено к полномочиям присяжных заседателей.

На протяжении всего судебного разбирательства ими инициировались вопросы, касающиеся состояния здоровья Максимова, якобы совершённого именно в отношении него преступления, а также качества проведённого предварительного расследования данного уголовного дела.

Во вступительном слове адвокат Спицын обратил внимание присяжных заседателей на то, что Максимов «сам никого не убивший, не порезавший и мизинцем до этого не тронувший, в итоге вот этого случайного прохода мимо этих свидетелей обвинения он оказался без сознания, изначально весь избитый, ограбленный, в милицейском «обезьяннике», а «результатом этого процесса и этих так называемых доказательств может явиться то, что ещё один сын будет отнят у матери абсолютно без каких-либо к тому доказательств», «это так называемое следствие длилось два года и оно сфабриковано» (т. 9, л.д. 140). При допросе свидетеля С[redacted] защитник Максимова пытался выяснить обстоятельства якобы имевшего место хищения денег у последнего, то есть те, которые не относятся к предмету доказывания по делу (т. 9, л.д. 165).

Он же, задавая вопросы свидетелю Б[redacted] (старший оперуполномоченный уголовного розыска), попросил последнего оценить место, где произошло преступление, с точки зрения криминогенной обстановки, и не получив замечания председательствующего, имел возможность уточнить о том, «какие случаи были?». На что свидетель сообщил, что были грабежи. Только после возражения государственного обвинителя председательствующим было сделано замечание и предложено задавать вопросы, касающиеся существа рассматриваемого дела (т. 9, л.д. 211).

Сам Максимов, давая объяснения суду, заявил, что на него напали с целью завладения деньгами, и предложил при этом задававшему ему вопросы потерпевшему З[redacted] «спросить у своих друзей, кто рылся» в его (Максимове) барсетке. В результате нападения он получил травму – ушиб головного мозга (т. 10, л.д. 154-156).

При допросе потерпевшего З[redacted] адвокатом Спицыным был поставлен вопрос, касающийся обстоятельств предложения данному потерпевшему на предварительном следствии пройти сеанс гипнорепродукции. Получив ответ о том, что З[redacted] отказался от данного сеанса, защитник снова поинтересовался мотивами такого отказа, и только тогда председательствующий снял последний вопрос (т. 9, л.д. 178).

Выступая в прениях сторон, защитник Спицын продолжил давать оценку действиям органов предварительного следствия, за что получил соответствующее замечание председательствующего. После этого, обращаясь к присяжным заседателям, заявил: «…господа присяжные заседатели, лучше оправдать десять виновных, чем посадить одного невиновного. Только тогда закон становится законом, и с этих по-

зиций надо всё воспринимать...» (т. 10, л.д. 178). Утверждая, что обвинением ничего не доказано, он призвал присяжных заседателей: «Не берите на себя ответственность, признайте человека невиновным, и не дай Бог кому-либо из Ваших родственников оказаться в такой ситуации, под этим следствием» (т. 10, л.д. 183). В заключение адвокат вновь обратил внимание присяжных заседателей на вопрос, не относящийся к их компетенции, а именно о своевременности и квалифицированности медицинской помощи, оказанной Т[redacted], и необходимости оценки этого стороной обвинения (т. 10, л.д. 184).

Несмотря на предварительные разъяснения председательствующего (т. 9, л.д. 248-249), свидетель М[redacted] – мать оправданного неоднократно заявляла в присутствии присяжных заседателей о состоянии его здоровья и её просьбах к органам предварительного следствия, на что получила пять замечаний от председательствующего (т. 9, л.д. 249-257). Кроме того, адвокатом Спицыным ей был задан вопрос: «Вы предпринимали самостоятельные меры в поисках свидетелей?», на что она заявила: «Да, нам пришлось это сделать» (т. 9, л.д. 253).

Подобные нарушения были допущены и при допросе старшего брата Максимова – М[redacted], который заявил, что, будучи в милиции, брат «на окружающие признаки мира не реагировал, состояние у него было полубессознательное», «лицо было похоже на один большой кусок мяса окровавленный, у него были гематомы, ссадины» (т. 10, л.д. 40).

В свою очередь жена Максимова – М[redacted] рассказала присяжным о сложившихся в семье традициях (т. 9, л.д. 258).

Изложенное свидетельствует о том, что показания в суде близких родственников Максимова не содержат конкретных фактических обстоятельств уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ.

Как видно из материалов судебного следствия, председательствующий неоднократно предупреждал участников процесса о недопустимости нарушений закона. Однако сторона защиты и допрошенные по её ходатайству родственники Максимова в течение всего судебного разбирательства систематически игнорировали замечания председательствующего, пытаясь увести судебное следствие в сторону от предмета, подлежащего доказыванию по данному делу и создавая препятствия для получения чёткой и объективной картины происшедшего.

Кроме того, при выяснении причин противоречий в показаниях свидетеля защиты несовершеннолетнего Г[redacted] его законный представитель К[redacted], будучи предупреждённой председательствующим, заявила, что показания на предварительном следствии он давал без её присутствия, находясь в наручниках (т. 10, л.д. 88).

По утверждению стороны обвинения, услышав указанное заявление, присяжный заседатель [redacted] воскликнул: «Ужас, в наручниках». В связи с этим, государственный обвинитель подал согласованное ходатайство о замене данного присяжного заседателя запасным. Однако председательствующий, ограничившись лишь выяснением позиции стороны защиты по этому ходатайству, в его удовлетворении отказал (т. 10, л.д. 91-93). При этом вопрос о действительности указанного высказывания у присяжных заседателей не уточнялся, в отличие от того, как это было сделано при

разрешении ходатайства стороны обвинения об удалении матери Максимова из зала судебного заседания в связи с тем, что она предпринимала попытки показать присяжным заседателям фотографии пострадавшего, по её мнению, сына (т.10, л.д. 61-62).

В ходе судебного следствия, 26 июля 2010 г., было удовлетворено ходатайство стороны защиты о приобщении к делу и оглашении перед присяжными заседателями результатов психофизиологических исследований Максимова, проведённых специалистом Ф в октябре 2009 г. на «детекторе лжи – полиграфе» вне рамок предварительного расследования уголовного дела на основании обращения его адвоката. При этом сторона обвинения возражала против этого (т. 10, л.д. 102-104).

В свою очередь именно после оглашения результата исследования, касающегося обстоятельств гибели Т защитник Спицын обратил внимание присяжных заседателей на известность личности эксперта Ф: «Я думаю, что Вы все имеете представление о данном эксперте. Вы могли видеть его по телевидению и слышать его выступления по радио» (т. 10, л.д. 107).

Из доведённых до сведения присяжных выводов видно, что согласно проведённым исследованиям нельзя достоверно утверждать об обладании Максимовым информацией о том, кто и при каких обстоятельствах нанёс смертельный удар Т Максимов считает, что сообщал следствию правдивые сведения и не имел намерения их скрыть. Кроме того, он на момент прохождения психофизиологического исследования знал или уверенно предполагал о том, кто нанёс ранение З в область носа, выделяя в качестве таких лиц М и Т (т.11, л.д. 63-64, 91).

Вместе с тем, по результатам рассмотрения письменного ходатайства стороны обвинения указанные доказательства, исследованные с участием присяжных заседателей, признаны 27 июля 2010 г. недопустимыми (т. 11, л.д. 130-132).

Согласно ч. 2 ст. 385 УПК РФ, оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей, может быть отменён по жалобе потерпевшего лишь при наличии таких нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили его право на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них.

Принимая во внимание приведенные обстоятельства и учитывая имевшие место нарушения уголовно-процессуального закона, Военная коллегия приходит к выводу, что они повлияли на ответы присяжных заседателей на поставленные перед ними вопросы при вынесении вердикта, а поэтому приговор нельзя признать законным и обоснованным, в связи с чем, он подлежит отмене, а дело направлению на новое судебное рассмотрение со стадии предварительного слушания.

Руководствуясь п. 3 ч. 1 ст. 378, п. 2 ч. 1 ст. 379, ч. 2 ст. 385 и ст. 388 УПК РФ, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации

определила:

приговор Московского окружного военного суда от 30 июля 2010 г., постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей в отношении Максимова Д[redacted] С[redacted] отменить.

Уголовное дело направить на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе суда со стадии предварительного слушания.

Председательствующий

Судьи

